

Глава II. Децентрализация промышленности (продолжение)

Австрия, Италия, Испания, Бразилия, Мексика, Индия, Япония, Соединенные Штаты — кризис 1887 года. — Хлопчатобумажная, шерстяная и шелковая промышленности. — Возрастающая для каждой страны необходимость полагаться главным образом на внутреннее потребление. Децентрализация промышленности

Поток промышленности распространяется не только на восток, а также и на юг, и на юго-восток: Австрия и Венгрия быстро становятся в ряды промышленных народов.

Возрастающее стремление австрийских фабрикантов оградить себя от немецкой конкуренции уже угрожает Тройственному Союзу, и сама Двойственная монархия уже видела недавно, как ее родные сестры ссорились из-за таможенных пошлин. Австрийская фабричная промышленность начала развиваться совсем недавно, а между тем в ней уже работает свыше четырех миллионов народа¹⁵. Богемия в течение нескольких десятков лет сделалась тоже значительной промышленной страной, а современные прокатные мельницы Венгрии указывают на то, что юная ее промышленность стоит на верном пути не только для конкуренции с другими странами, но и для того, чтобы внести свою долю в использование человеком сил природы. Недостаток в цифровых данных не позволяет в точности оценить совокупную промышленность Австро-Венгрии, но об ее развитии мы можем судить по сравнительно ничтожному ввозу фабричных изделий; она более не получает товаров из Англии и быстро освобождается от германской зависимости (см. Приложение VII).

Промышленный прогресс распространяется на южные полуострова. В 70-х годах не было и речи об итальянской мануфактуре, а между тем выставка 1884 года в Турине включила Италию в число промышленных стран. «Повсеместно в Италии вы видите старание развить промышленность и торговлю», — писал один французский экономист в газете

Temps. «Она стремится к тому, чтобы обходиться без заграничных произведений. Ее патриотический лозунг, “Италия все сама”, воодушевляет множество производителей. Все торговцы и фабриканты прилагают всевозможные старания к освобождению себя от иностранной опеки». Лучшие французские и английские образцы копируются и улучшаются, благодаря природной гениальности и художественным традициям итальянцев. За недостатком полных статистических данных, итальянский ежегодник *Annuario* прибегает к косвенным указаниям. Но, судя по быстрому увеличению ввоза угля¹⁶, развитию горной промышленности, утроившей свое производство в течение последних 15 лет прошлого столетия, по увеличившемуся производству стали и машин¹⁷, и наконец, по развитию

обработки волокнистых веществ¹⁸, Италия стремится сделаться промышленной страной, способной удовлетворить собственные нужды собственными произведениями. Помимо того, всем известна традиционная способность итальянцев к торговле.

Я только вскользь упомяну об Испании, где тоже быстро развивается мануфактурная, металлургическая и горная промышленность, и перейду к странам, на которые несколько лет тому назад смотрели, как на вечных и обязательных покупателей мануфактурных стран Западной Европы. Экономисты, например, обрекли Бразилию на то, чтобы она выращивала хлопок, вывозила его сырьем и получала взамен бумажные товары. Действительно, в семидесятых годах девять жалких бразильских фабрик имели всего на всего 386 веретен. Но уже в 1887 году в Бразилии было 46 хлопчатобумажных фабрик, и в пяти из них имелось 40 000 веретен и 10 000 ткацких станков; они ежегодно выбрасывали на бразильский рынок 40 миллионов аршин бумажных материй. Двадцать пять лет спустя число фабрик возросло до 161, число веретен до 1 500 000, а число рабочих на этих фабриках до 100 000¹⁹.

Даже в Вера Крузе, в Мексике, стали заниматься производством хлопчатобумажных изделий под покровительством таможенных пошлин, и в 1887 г. здесь насчитывали 40 200 веретен, а выработка определялась в 287 000 кусков бумажных тканей и 212 000 фунтов пряжи. С тех пор производство постоянно развивалось, и в 1894 г. вице-консул Чапман доносил, что на прядильных фабриках Оризабы имеются превосходные машины, а набивные бумажные товары нисколько не уступают привозным²⁰.

В 1910 г. уже 32 000 человек работали на 145 ткацко-прядильных фабриках, имевших 703 000 веретен и 25 000 механических ткацких станков²¹.

Лучшим опровержением теории вывозов служит, впрочем, Индия. На нее всегда смотрели, как на самого верного потребителя английских хлопчатобумажных товаров. Действительно, она покупала более четверти, а в конце XIX века почти даже одну треть всего вывозимого из Англии хлопчатобумажного товара (от 170 до 220 миллионов руб. лей, из 750 миллионов). Но теперь дело пошло иначе, и в 1904–1907 годах Индия покупала уже только на 216 до 257 миллионов, из 1 104 миллионов общего вывоза из Англии хлопчатобумажного товара. Дело в том, что индийские хлопчатобумажные фабрики, мало успевавшие в начале вследствие каких-то не вполне выясненных причин, стали вдруг на прочную ногу.

В 1860 году эти фабрики потребляли только 25 000 000 фунтов хлопка; в 1877 г. они стали употреблять его уже вчетверо больше, а через десять лет это количество опять утроилось: в 1887–1888 гг. его было употреблено 314 000 000 фун. Хлопчатобумажных фабрик в 1877 г. было 40, в 1895 г. — 147; в тот же период времени число веретен возросло от 886 100 до 3 844 300; число же рабочих, в 1887 году бывшее всего только 57 190, достигло семь лет спустя 146 240. Теперь же (в 1909–1910 г.) мы находим в Индии 237 фабрик, 6 136 000 веретен, 80 000 механических станков и при них 231 850 рабочих. Что же касается до достоинства индийских фабрик, то английские отчеты восхваляют их; германская торговая палата удостоверяет, что лучшие прядильни в Бомбее «немногим уступают немецким», а два больших знатока хлопчатобумажной промышленности — Джемс Платт и Генри Ли, говорят, что «ни в одной стране земного шара, за исключением Ланкашира, рабочие не имеют такой природной способности к переработке волокнистых веществ, как в Индии»²².

Вывоз из Индии хлопчатобумажной основной пряжи более чем удвоился в течение пяти лет (1882–1887 гг.), и в отчете за 1887 год значится, что «в Индию все менее и менее ввозится грубой и даже средней основной пряжи, а это служит доказательством, что ее прядильные фабрики постепенно завладевают внутренним рынком». Следовательно, даже в то самое время, когда Индия продолжала еще ввозить к себе почти то же самое количество английских бумажных товаров и пряжи (на 160 до 257 милл. руб лей в 1900–1908 годах), она уже начала выбрасывать (в 1887 г.) на иностранные рынки на 36 000 000 руб лей бумажных изделий по ланкаширским образцам и уже вывозила 41 000 000 аршин небеленых миткалей, сработанных индийскими рабочими в Индии. С тех пор вывоз все более и более увеличивался, и в 1910–1911 г. он достиг до 79 000 000 руб. тканей и пряжи.

Джутовые фабрики разрослись еще быстрее²³, и цветущая некогда джутовая промышленность Шотландии приходит в постепенный упадок, не столько вследствие высоких тарифов континентальных государств, сколько вследствие конкуренции Индии. Здесь недавно устроены также шерстяные фабрики. А железная промышленность Индии стала развиваться с того времени, как после многих неудачных опытов, были, наконец, найдены способы употреблять в металлургических печах местный уголь. По мнению специалистов, Индия вскоре будет удовлетворяться собственным железом. В сущности, английские фабриканты не без тревоги следят за увеличивающимся ввозом индийских мануфактурных товаров в Англию и, кроме того, на рынки Африки и Дальнего Востока. И так Индия становится серьезным конкурентом для метрополии. Но отчего же нет? Что могло бы помешать росту индийской мануфактуры? Недостаток капитала? Но у капитала нет отечества, и, если из работы кули²⁴ (заработная плата которых наполовину меньше заработка английских рабочих) можно будет извлекать большие барыши, капитал переселится в Индию, как переселялся в Россию, хотя бы такое переселение повлекло за собою голод в Ланкашире и в городах Шотландии. Недостаток знаний? Но знание распространяется по всему земному шару; медленны только первые шаги. Неспособность к работе индусов? Но те, кто их знает, утверждают, что индусы — прекрасные работники. Наверное, их производительная способность несколько не уступает способностям 36 000 детей менее 14-летнего возраста, и девочек и юношей моложе 18 лет, работающих в количестве 238 000 на английских фабриках.

Двадцать лет мало значат в жизни народов; а между тем, за последние двадцать лет у промышленной Европы явился на востоке другой могучий конкурент — Япония. В октябре 1888 г. Textile Recorder вскользь упомянул о том, что годовое производство пряжи на японских фабриках дошло до 10 450 000 фунтов, и что строятся еще 15 фабрик. Действительно, два года спустя, в Японии было выпрядено уже 30 000 000 фунтов пряжи, и тогда как в 1886–88 гг. Япония ввозила впятеро или вшестеро больше пряжи, чем пряла у себя, на следующий же год она уже ввезла только две трети того, что потреблялось в стране. С того времени производство стало равномерно увеличиваться. С 7 000 000 фунтов в 1886 г. оно поднялось в 1895 г. до 170 000 000 фун., т. е. увеличилось в 23 раза в течение девяти лет; а к 1909 году оно дошло уже до 459 000 000 фун. Вообще мы узнаем из «Финансового Экономического Ежегодника», за 1910 и 1911 гг., издаваемого в Токио, что в 1909 году в Японии насчитывали 3756 ткацко-прядильных фабрик, имевших 1 785 700 веретен и 51 185 машинных ткацких станков, к чему следовало еще прибавить 783 115 ручных станков. Таким образом, Япония стала уже серьезным соперником большим

промышленным нациям во ввозе тканей, особенно бумажных, в различные страны восточной Азии; и на это потребовалось всего двадцать пять лет. Всех тканей Япония произвела в 1909 г. на 225 000 000 руб., — причем две пятых этого количества приходились на бумажные ткани.

Неудивительно поэтому, что ввоз бумажных товаров из Европы упал с 16 400 000 руб. в 1884 году до 4 116 000 руб. в 1910 г.; вывоз же шелковых товаров возрос до 30 000 000 руб.²⁵ Что касается до каменноугольной и железной промышленности, то в первом издании этой книги я позволил себе предсказать, что Япония вскоре перестанет получать из Европы железные товары и что она, кроме того, скоро устроит у себя собственные судостроительные верфи: для этого уже выписаны были тогда с эльсвикского завода Армстронга 300 механиков, но контракт с ними был заключен только на пять лет, в надежде, очевидно, вполне изучить судостроение за это время. Предсказание вполне оправдалось. В 1910 году в Японии имелось уже 1 300 железоделательных и машинных заводов, и она сама строила свои военные корабли. Во время Русско-японской войны можно было вполне убедиться в успехах всех отраслей промышленности у юной промышленной соперницы²⁶. Производство спичек, упавшее в 1884 г., опять развилось, и в 1895 г. японцы вывезли более 15 000 000 gross спичек на 44 718 570 руб. лей.

Все это показывает, что со страхом ожидавшееся вторжение Востока в рынки, которыми пользовалась Европа уже в полном ходу. Китай еще погружен в дремоту, но из того, что я видел в Китае, я убедился, что когда его обитатели начнут заводить фабрики, снабженные европейскими машинами, — а первые шаги уже сделаны, — они будут еще больше преуспевать, чем японцы и, конечно, в гораздо большем масштабе.

Но что же сказать про Соединенные Штаты? Их уже нельзя обвинять в том, что они пользуются дешевым трудом или посылают в Европу дешевые и негодные продукты. Их крупная промышленность возникла еще очень недавно, а между тем они уже отправляют в Европу все больше и больше машин. А с 1890 года они начали даже отправлять железо, которого добыча им обходится очень дешево, благодаря превосходным, введенным в Америке новым методам.

В течение двадцати лет (1870–90 гг.) число занятых в американской промышленности людей удвоилось, а стоимость произведений почти утроилась; в следующие же пятнадцать лет число рабочих возросло еще на пятьдесят процентов, а ценность производства увеличилась почти вдвое²⁷. Хлопчатобумажное дело, при превосходных машинах внутреннего изделия, развивается очень быстро: так что в 1905 году годовое ткацко-прядельное производство достигло стоимости в 4 294 882 000 руб. лей, т. е. вдвое превзошло производство Англии в той же отрасли, а вывоз хлопчатобумажных произведений в 1910 г. достиг 86 000 000 руб.²⁸ Что же до производства железа и стали, то оно не только превышает годовичную выработку Англии²⁹, но и превосходит английское производство своей организацией, как видно было уже из доклада г. Берклея, сделанного в ноябре 1891 года Институтом Гражданских Инженеров.

Все это было создано в 70-80-х годах XIX столетия, так как целые отрасли промышленности возникли только после 1861 года. Что же даст миру американская промышленность при

дальнейшем развитии ее техники, прекрасных школах, научном образовании, идущем рука об руку с образованием техническим, и при американской предприимчивости, с которой европейская не может равняться!

Целые тома написаны были о крайне остром кризисе, поразившем Англию в 1885–87 годах, — кризисе, который, по словам Парламентской Комиссии, «начался уже в 1875 г. и имел только небольшой промежуток в 1880–1883 гг., благоприятный для некоторых отраслей». Этот кризис, добавлю я, распространился на все главные промышленные страны земного шара.

Причины этого кризиса были исследованы всесторонне. Делались всевозможные выводы, но все они сводились к выводу, сделанному Парламентской Комиссией, который можно изложить так: «Промышленные страны не находят потребителей, которые бы давали возможность нажить большие барыши». Так как барыши составляют основу капиталистической промышленности, то низкие барыши объясняют все дальнейшие последствия.

Малые барыши заставляют работодателя уменьшать жалованье рабочим, сокращать число рабочих или же число рабочих дней в неделю, или, наконец, переходить на выработку более низких сортов товара, оплачивающихся хуже, чем высокие сорта. Уже Адам Смит говорил, что малые барыши хозяина обозначают в конце концов понижение зарплаток: низкие же зарплаты ведут к уменьшению потребления рабочими. Но малый барыш обозначает также несколько пониженное потребление предпринимателя, а то и другое, вместе взятое, ведут к понижению барышей и потребления среди громадного класса посредников, существующих во всех промышленных странах, что в свою очередь ведет к дальнейшему понижению барышей предпринимателей.

Страна, которая производит главным образом для вывоза, а следовательно, живет преимущественно на доходы, полученными от своей заграничной торговли, находится почти в таком же положении, как Швейцария, которая существует преимущественно на доходы, получаемые с иностранцев, посещающих ее озера и ледники. «Хороший сезон» обозначает приток от десяти до двадцати миллионов руб., ввезенных туристами, а «плохой сезон» влечет за собою те же самые последствия, как и плохой урожай в земледельческих странах, т. е. всеобщее обеднение. Если «сезон» в странах, производящих для вывоза, плох, и вывезенные товары не могут быть проданы за границей за двойную цену, страны эти страдают. Малый барыш держателя гостиниц в Альпах обозначает стесненные обстоятельства для большинства швейцарцев; малые же барыши ланкаширских и шотландских фабрикантов и оптовых экспортеров обозначают стесненные обстоятельства для большинства англичан.

Давно уже хлеб и мануфактурные товары не были так дешевы, как они были перед кризисом; а страна тем не менее страдала от жестокого кризиса, и причиной его выставляли, конечно, перепроизводство. Но перепроизводство стало словом, лишенным всякого смысла, так как оно обозначает собою только, что люди, нуждающиеся в разнообразных продуктах, не имеют возможности покупать их на свой грошевый заработок. Никто не решится утверждать, что у нас слишком много мебели в убогих жилищах, слишком

много кроватей и постельного белья у рабочих, что в лачугах горит слишком много ламп, и что слишком много белья, не только у тех, кто в 1886 году ночевал на Трафальгарском сквере, заменяя простыни газетами, но даже и у тех, у кого шелковая шляпа составляет принадлежность воскресного наряда. Никто также не решится утверждать, что слишком много пищи в домах крестьян-батраков, зарабатывающих по 6 руб. в неделю, или у женщин, получающих по 20–24 копейки в день за шитье белья и другие мелкие ремесла, а такими людьми переполнены английские деревни и все предместья больших городов.

«Перепроизводство» обозначает собою просто-напросто недостаток покупательных средств у рабочих, и этот самый недостаток ощущался не только в Англии, но и повсеместно на континенте в Европе, в течение 1885–87 годов.

Через несколько лет плохие времена внезапно сменились оживлением международной торговли, и так как британский вывоз увеличился в течение четырех лет (1886–90 гг.) почти на 24 процента, то сейчас же начали доказывать, что нет никакого основания опасаться иностранной конкуренции; что уменьшение вывоза в 1885–87 гг. было только временным явлением, общим для всей Европы, и что Англия по-прежнему стоит во главе международной торговли. Конечно, если рассматривать только исключительно денежную стоимость

товаров, вывезенных с 1876 по 1895 гг., то мы, конечно, не увидим постоянного падения, а только колебания: в английском вывозе, как и во всей торговле, обнаруживается известного рода периодичность. В 1876 г. вывоз доходил до 2 010 000 000 руб., а в 1879 г. он упал до 1 920 000 000 руб.; затем в 1882 г. он поднялся до 2 410 000 000 руб. и опять упал в 1886 г. до 2 130 000 000 руб., и, наконец, поднявшись опять до 2 640 000 000 руб. в 1890 г., он снова упал до 2 160 000 000 руб. в 1894 г.; после чего опять начались такие же колебания.

Эта периодичность дала повод экономисту Гиффену (Giffen) не придавать значения германской конкуренции и доказывать, что вывоз из Англии не уменьшился, а принимая во внимание рост народонаселения, остался, несмотря на все колебания, таким же, каким был в восьмидесятых годах³⁰.

Однако при сравнении количества вывезенного товара с денежной его стоимостью г. Гиффен должен будет признать, что цены в 1883 году были настолько низки сравнительно с ценами 1873 г., что для достижения одинаковой денежной стоимости Англии пришлось бы вывозить 4 куска бумажной материи вместо трех, и от восьми до десяти тонн металлов вместо шести. Если взять цены за десять лет раньше (т. е. цены 1873 года), то ценность английского вывоза должна была бы равняться не 6 670, а 8 610 миллионам, справедливо говорит английская комиссия для исследования упадка торговли.

Конечно, можно было бы заметить, что 1873 год был исключительным годом, вследствие увеличенного спроса после франко-прусской войны. Но то же самое падение продолжалось. Так, например, если взять данные известного ежегодника, *Statesman's Year-book*, мы увидим, что в 1883 году Англии пришлось вывезти 6 196 250 000 арш. тканей бумажных, шерстяных и шелковых и 351 000 000 фун. пряжи, чтобы дойти до суммы в 1 040 000 000 руб., а в 1895 году, вывезя 7 043 142 857 арш. таких же тканей и 363 000 000 фунтов пряжи, Англия реализовала только 997 000 000 руб. Отношение будет еще менее

благоприятно, если сравнивать одни бумажные товары.

Правда, что за последнее двенадцатилетие (1900– 1912) положение улучшилось, так что вывоз 1906 г. мало чем отличался от вывоза 1873 года; а в 1911 г. положение оказалось еще лучше, так как вывезено было 9 052 000 000 аршин тканей и 341 000 000 фунтов пряжи — всего на 1 634 000 000 руб. Но 1911 год был год усиленных приготовлений к войне, и высокие цены получились, главным образом, вследствие высоких цен за более тонкие номера пряжи. Барыши же, получавшиеся в 1873–1880 годах, исчезли безвозвратно.

Мы видим, таким образом, что хотя общая сумма вывоза из Англии по отношению к ее растущему населению мало изменилась за последние тридцать лет, но высокие цены, получавшиеся за товар в начале 80-х годов девятнадцатого века и большие барыши исчезли навсегда. Никакие арифметические расчеты не убедят английских фабрикантов в противном. Они отлично видят, что внутренние рынки постоянно переполнены, что лучшие заграничные рынки теряются, что на нейтральных рынках соперники Англии сбивают цены, и что это является неизбежным следствием распространения заводско- фабричного производства по всему свету (см. Приложение X).

Большие надежды возлагались недавно на Австра-

лию как рынок для сбыта английских товаров; но и Австралия вскоре будет делать то, что уже делает Канада: т. е. работать на собственных фабриках. Колониальные выставки, показывая «колонистам», что они в состоянии делать и как именно, ускоряют то время, когда каждая колония позаботится сама за себя. Канада и Индия уже налагают покровительственные пошлины на британские товары. Что же касается пресловутых рынков Конго и расчетов и обещаний мистера Стенли, который уверял, что английская торговля с Африкой достигнет 260 000 000 руб. в год, если ланкаширские предприниматели будут только снабжать африканцев материями для пояса, носимого ими вместо всякой одежды, то обещания эти принадлежат к области фантазии, точно так же, как и знаменитые ночные колпаки для китайцев, долженствовавшие обогатить Англию после китайской войны. Китайцы, однако, предпочитают колпаки домашнего изделия, и уже четыре страны — Великобритания, Германия,

Соединенные Штаты и Индия, — соперничают, чтобы доставить обитателям Конго их скудные одеяния.

Было время, когда Англия пользовалась почти монополией в хлопчатобумажной промышленности: но уже в 1880 году она имела только 55% всех веретен, работавших в Европе, Соединённых Штатах и Индии (из 72 000 000– 40 000 000), и немного более половины ткацких станков (из 972 000–550 000). В 1893 г. отношение уже понизилось до 49 процентов (из 91 340 000–45 300 000 веретен); а теперь Англия имеет уже только 41 процент³¹. Англия, таким образом, теряла в то время, как выигрывали другие страны. Все это вполне естественно и могло быть предсказано заранее: Англии нет никакого основания быть всемирной хлопчатобумажной фабрикой, раз ей приходится ввозить, как и другим странам, хлопок, и вполне естественно, что Франция, Германия, Италия, Россия, Индия, Япония, Соединенные Штаты, даже Мексика и Бразилия начнут сами вырабатывать пряжу и

ткать бумажные материи. А появление в какой-либо стране хлопчатобумажной промышленности неизбежно влечет за собою целый ряд других промышленных: химических, металлургических, механических, горных и т. п. Все роды промышленности, а равно и техническое образование должны усовершенствоваться, раз появилась потребность в создании одной такой отрасли.

То, что случилось с хлопчатобумажной промышленностью, происходит и с другими промышленностями: Англия, стоявшая в 1880 г. во главе стран, производящих чугун, оказалась третьей, причем первыми шли Соединенные Штаты и Германия; Россия же, стоявшая седьмою, теперь стояла четвертою, тотчас после Англии³². Великобритания и Бельгия лишились монополии шерстяной торговли: громадные фабрики в Вербье стоят; бельгийские ткачи бедствуют, тогда как Германия ежегодно увеличивает годовое производство шерстяных товаров, вывозя в десять раз больше, чем Бельгия; Австрия тоже производит и вывозит шерстяные товары; Рига, Лодзь и Москва снабжают Россию хорошей шерстяной материей; и рост шерстяной промышленности в этих странах рождает сотни побочных промыслов.

В течение долгих лет Франция пользовалась монополией шелковой торговли. Так как шелковичных червей разводят на юге Франции, то Лион, естественно, сделался центром шелкового производства. Прядение, ручное ткачество и крашение шелков сильно развились, так что вскоре внутреннее производство шёлка-сырца сделалось уже недостаточным, и его начали ввозить из Италии, Испании, Южной Австрии, Малой Азии, с Кавказа и из Японии; в 1875–1876 годах его ввезли на девяносто и на сто десять миллионов руб. лей, тогда как собственного шелка Франции имела только на 8 000 000. Тысячи крестьянских юношей и девушек были привлечены в Лион и его окрестности высокими заработками.

Промышленность процветала, но мало-помалу новые центры шелковой промышленности возникли в Базеле и вокруг Цюриха, в домах крестьян, куда занесли ее французские эмигранты. Она особенно развилась в 1871 г., после гражданской войны. Тогда же администрация Кавказа пригласила из Франции работников и работниц обучать русских и грузин способам разведения шелковичного червя и шелковому производству, и Ставрополь скоро сделался новым центром шелкового ткачества. Точно так же поступили Соединенные Штаты и Австрия, и в результате получилось следующее.

С 1872 по 1881 год Швейцария более чем удвоила свое шелковое производство; Италия и Германия увеличили его на одну треть, а Лионский район, годовое производство которого оценивалось прежде в 181 миллион руб., в 1887 году выработал уже только на 151 миллион руб.; вывоз же лионских товаров, достигший в среднем в 1855–59 гг. 170 000 000 р., в 1887 г. упал до 93 200 000 руб. В настоящее время, по словам французских специалистов, не менее одной трети шелковых материй, употребляемых во Франции, ввозится из Цюриха, Крефельда, Бармена. Даже Италия посылает во Францию свои шелковые товары, соперничая с Лионом.

Французские фабриканты напрасно взывают о протекции, напрасно прибегают к производству более дешевых товаров низшего качества за ту же цену, за которую они продавали в 1855–59 годах 152 619 пуд. — они никогда уже более не вернут своего

прежнего положения. Италия, Швейцария, Германия, Соединенные Штаты и Россия, имея собственные шелковые фабрики, будут получать из Лиона только самые лучшие материи. Из более низких сортов, фуляр уже сделался обычным нарядом петербургских горничных, так как кустари северного Кавказа доставляют его по такой цене, которая лионских ткачей довела бы до голода; и хотя Лион все еще остается средоточием торговли высокими сортами изящных шелковых материй, он никогда более не сделается тем центром шелковой промышленности, каким был в семидесятих годах XIX столетия.

Подобных примеров можно привести множество. Гринок³³ более не снабжает Россию сахаром, так как она имеет достаточно своего по той же самой цене, по какой продает его Англия. Часовое производство не составляет более специальности Швейцарии, так как часы делаются везде. Индия извлекает из своих копей две трети своего годового потребления угля. Химическое производство, развившееся в Англии на берегах Клайды и Тайна вследствие благоприятных условий для подвоза испанского колчедана и скопления разнообразных промыслов, приходит в упадок, так как Испания при пособии английских капиталов начинает сама обрабатывать свой колчедан, а Германия, сделавшись большим центром производства серной кислоты и соды, жалуется уже на перепроизводство.

Но довольно! Нет нужды приводить еще цифровые данные, имеющиеся в громадном количестве и все повествующие о децентрализации всех родов промышленности и распространении их по всему земному шару. Везде развиваются самые разнообразные промыслы, тесно связанные между собою, и исчезает прежняя специализация: в этом сказывается отличительный признак нашего времени. Каждый народ в свою очередь становится промышленной нацией, и приближается время, когда все народности Европы, Соединенные Штаты и даже самые отсталые народы Азии и Америки будут сами вырабатывать почти все то, что им необходимо. Войны и разные случайные причины могут только задержать, но не остановить это неизбежное распространение промышленности. И для каждого народа, выступающего на этом поприще, трудны только первые шаги; но как скоро какая-нибудь новая промышленность пустит прочные корни, она неизбежно вызывает за собою сотни разных других промыслов, и общий рост идет вперед ускоренным шагом.

Сознание этого настолько сильно, что за последние тридцать лет борьба между государствами из-за колоний стала отличительной чертой нашего века. Но колонии не помогут делу: на свете нет второй Индии, и прежние условия более не повторятся. Некоторые британские колонии грозят уже сделаться серьезными соперниками своей метрополии; другие пойдут по тому же самому пути. Что же касается нейтральных рынков, то Китай никогда не будет серьезным потребителем Европы, так как он сам может производить гораздо дешевле. Когда китайцы возымеют потребности в товарах европейского образца, они начнут вырабатывать их сами. И тогда беда будет Европе, если она все еще будет рассчитывать на иностранных потребителей, в то время как в Китае начнет царить паровая машина. Что же до африканских полудикарей, на их нищете нельзя построить благоденствия цивилизованных народов.

Прогресс лежит в другом направлении, — в производстве для собственного потребления. Потребители ланкаширских бумажных материй, шеффилдских ножей, лионских шелков и венгерских мукомолен — не в Индии и не в Африке: ими должны быть сами производители.

Нет надобности посылать плавающие магазины в Новую Гвинею с немецкими или английскими товарами, когда в Англии достаточно потребителей для английских, а в Германии для германских товаров. Вместо того, чтобы тратить силы на розыск потребителей за границей, лучше попытаться ответить на следующие вопросы: почему английские рабочие, промышленные способности которых так восхваляются в политических речах, шотландские огородники и ирландские крестьяне, о которых кричат, что они упорным трудом создали плодородную почву из торфяных болот, не могут быть потребителями для ланкаширских ткачей, шеффильдских ножовщиков, нортумберландских и валлийских горнопромышленников? Почему лионские ткачи не только не носят шелка, но зачастую голодают на своих чердаках, а русские крестьяне, продав свой хлеб зерном, прибавляют потом к муке в течение нескольких месяцев лебеду и древесную кору, чтобы прокормиться самим? Почему так часто бывают голодовки в Индии среди производителей пшеницы и риса?

При современном разделении общества на капиталистов и рабочих, на земледельцев и людей, живущих на совершенно необеспеченный заработок, распространение промышленности на новые районы действительно сопровождается притеснениями и гибелью детей, пауперизмом и необеспеченностью жизни. Отчеты русских фабричных инспекторов, отчеты германской торговой камеры и итальянские исследования полны точно такими же разоблачениями, как отчеты английской парламентской комиссии 1840-42 гг., или как современные исследования о «системе выживания»³⁴ в Уайтчапеле и Глазго, о пауперизме в Лондоне и о нищете в Англии. Проблема капитала и труда, сделавшись универсальной, в то же время и упростилась, так как наступающей эпохе европейской истории предстоит решить задачу, — каким образом устроиться так, чтобы хлеб выращивался, и мануфактурные товары производились для тех самых, кто занимается обработкой земли и мануфактурным производством? Каждый район должен сделаться своим собственным производителем и потребителем, как мануфактурных товаров, так и продуктов земледелия.

Этому вопросу я и посвящаю следующие главы.

Примечания

15 По переписи 1902 года, в Австрии было 1 408 000 фабрик и заводов, обладавших машинами в 1 787 000 лошадиных сил. На них работало 4 049 300 рабочих. На фабриках и заводах Венгрии работало 1 128 000 человека.

16 В 1871 г. было ввезено его 48 300 000 пуд., а в 1884 г. 588 000 000 пуд.

17 В 1900 г. оно достигло 48 000 000 руб лей. Италия показала, таким образом, как страна, не имеющая ни минерального топлива, ни своих железных руд, может, тем не менее, развить серьезную металлургию.

18 Привоз хлопка поднялся с 31/2 милл. пудов в 1885 г. до 12 360 000 пуд. в 1908 г.; число веретен с 880 000 в 1877 г. до 3 800 000 в 1907 г. — В 1910 г. Италия произвела 221/2 милл.

пудов чугуна и 42 милл. пуд. стали. — Вывоз тканей поднялся следующими образом с 1905 г. по 1910: шелка с 178 000 000 руб. до 248 000 000; бумажные с 44 300 000 до 50 400 000; шерсть с 4 400 000 до 14 290 000 руб.

19 Times, 27 авг. 1912 г.

20 The Times, 12 мая 1894 г., стр. 9. Несколько лет тому назад на фабриках в Оризабе употребляли исключительно привозный хлопок, теперь же. насколько это возможно, употребляют местный хлопок и пряжу.

21 Anuario Estadistico, 1911 г. Эти фабрики потребляли 218 700 пуд. хлопка и производили 13 936 300 штук миткалей и 1 786 000 пуд. пряжи.

22 Schulze Gäwernitz, The Cotton Trade, etc., стр. 123.

23 В 1882 г. на них было 5633 ткацких станка и 95.937 веретен. В 1910-1911 гг. их было уже 60, и они имели 31 420 станков, 645 700 веретен и 204 000 рабочих. Насколько улучшены были машины, видно уже из этих цифр. Вывоз джутового товара поднялся в это время с 15 430 руб. в 1884-85 гг. до 113 230 000 руб. в 1910-1911. См. Приложение VIII.

24 «Кули» называются поденщики в Индии.

25 В 1910 г. ввоз бумажных и шерстяных материй был всего в 26 000 000 руб., тогда как вывоз миткалей, пряжи и шелковых материй достиг уже 81 648 000 руб. лей.

26 Рост горной промышленности виден из следующих данных: меди добыто 151 600 пуд. в 1875 г.; 3 087 000 п. в 1909 г. Угля — 35 721 000 пуд. в 1875 г.; 978 700 000 в 1909 г. Железа — 10 350 пуд. в 1875 г.; 4 095 000 п. в 1909 г. (K. Rathgen, Japan's Volkswirtschaft und Staatshaushaltung, Leipzig, 1891 г.; также Consular Reports)

27 В 1870 г. число рабочих было 2 054 000; в 1905 г. 6 723 900 (включая служащих); стоимость же произведений, равнявшаяся в 1870 г. 6 771 722 000 руб., в 1890 г. возросла до 18 744 574 560 руб., и до 33 733 414 000 руб. в 1905 г. Годовое производство одного рабочего в 1870 г. было 3 296 руб., 3 978 руб. в 1890 г. и 5 028 руб. в 1905 г. (Во всех этих данных доллар принят равным двум руб. лям).

28 См. Приложение IX.

29 Оно достигало от 449 020 000 до 663 000 000 и в течение 1890-94 гг., и 1 693 300 000 пуд. в 1910 г. (стоимость 850 000 000 руб.). Стоимость же товара, производимого в том же году стальными и прокатными заводами, дошла до громадной цифры в 1 971 445 000 руб. В известном английском издании, Statesman's Year-book, читатель найдет поразительные данные о невероятно быстром развитии железного и стального дела в Соединенных Штатах. В Европе нет ничего подобного.

30 Вывоз английских продуктов на каждого жителя был следующий в рублях:
187660,5 188559,0 189455,5 190369,0

187759,5 188658,5 189556,0 190470,5

187857,0 188760,5 189658,0 190576,5

187956,0 188869,5 189758,5 190686,5

188061,5 188967,0 189858,0 190797,0

188167,0 189070,5 189965,0 190885,5

188268,5 189165,5 190071,0 190996,0 188367,5 189259,5 190167,5 1910100,5 188465,0 189357,0 190267,5

Сильные колебания последних двенадцати лет в значительной мере зависели от войн — бурской и русско- японской — и от закупок для военных целей.

31

Англия	53 472 000	41%
Соединённые Штаты	27 846 000	21%
Германия	9 881 000	8%
Россия	7 829 000	6%
Франция	6 750 000	5%
Британская Индия	5 756 000	4%
Другие нации	19 262 000	15%
итого	130 796 000	100%

32 J. Stephen Jeans, The Iron Trade of Great Britain (London, Methuen), 1905, стр. 46. Вообще эта книга содержит много данных о развитии железного производства.

33 Приморский город Шотландии, известный своими сахарорафинадными заводами.

34 Sweating system.